

Ульяна Соболева

8

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

На дне

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Черные вороны 8. На дне + бонус

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соболева У. П.

Черные вороны 8. На дне + бонус / У. П. Соболева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Я все еще надеялась, что он здесь чтобы спасти нас, что это розыгрыш, недоразумение... Но я ошибалась. Все было настоящим. Захват автобуса, боевики и правда о том, что Макс Воронов это и есть жуткий убийца Аслан Шамхадов. Адаптации и римейк серии "Любовь за гранью". Сюжет повторяется! В оформлении обложки использована фотография автора heckmannoleg (Oleg Gekman) с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

© Соболева У. П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

В истинной любви воплощается всё самое лучшее и самое отвратительное, что только есть в нашей жизни. Любовь оправдывает всё, что помогает ей выстоять.

Любовь смертоносна, разрушительна. Впуская любовь в сердце, не знаешь, ангел ли поселился в твоей душе или демон. Или же тот и другой. Такова любовь. Нет в ней благородства, зато есть отвага и свобода, есть красота и преданность, есть подлость и низость.

(с) «Тайна древнего замка», Эрик Вальц

Я не могла и не хотела верить, что это происходит на самом деле, что Максим и вот это чудовище, отдавшее приказ захватить автобус с людьми, может быть один и тот же человек. Но я видела собственными глазами, что это он. Шрам у виска, родинка на скуле. Все это было видно на снимке. Это не кто-то похожий.

Я слышала, как они говорят по рации о каких-то поставках, о том, что боевики взяли КПП неподалеку отсюда и... там все мертвы. И весь этот беспредел контролирует мой муж. Мой бывший муж. Прошли те дни, когда я в это не верила. Жуткие дни, пока нас держали возле ущелья и обращались с нами, как со скотом. Я все еще надеялась, что он здесь, чтобы спасти нас, что это розыгрыш, недоразумение... Но я ошибалась. Все было настоящим. Захват автобуса, боевики и правда о том, что Макс Воронов – это и есть жуткий убийца Аслан Шамхадов.

Нас держали в самом автобусе. Выпускали в туалет по одному. В первый день я сидела в самом конце и молила Бога, чтобы дети молчали, чтобы они не просились в туалет, не требовали есть и пить. Дала им по яблоку и пирожку. На какое-то время им хватит. Но что делать к вечеру.

А к вечеру и начался ад. Несколько заложников убили. Еду и воду нам не дали, и мы делились тем, что есть друг у друга. Главное, что были сердобольные пассажиры, которые отдавали моим детям сэндвичи. Но это все в первый день. День, в который мы надеялись, что нас выпустят.

Надежда испарилась, когда боевики застрелили женщину, попытавшуюся позвонить, и паренька, который забился в приступе эпилепсии и испугал одного из ублюдков. Обо всем, что они делали, докладывали Аслану. Я слышала, как они переговариваются... слышала голос Максима. Он уже выучил их словечки, жаргон. Выучил все... И мне стало страшно, что я что-то упустила. Что я чего-то не знаю о нем. Что те годы, когда Андрей и Савелий еще не были знакомы со Зверем, кем он был? Откуда появился? Нет ли чего-то, чего никто из нас даже не подозревал о нем.

А потом гнала эти мысли подальше, не хотела верить. Не хотела даже допускать сомнениям закрасться в мою голову... До того дня, когда Максим собственным голосом отдал приказ расстрелять ту женщину. Расстрелять за то, что она позвонила кому-то из своих родных. Расстрелять, чтоб другим неповадно было.

– Эй, – я приоткрыла глаза, стараясь не думать о том, что ужасно хочу в туалет, – эй, ты спишь?

Мой сосед сзади мужчина лет сорока очень тихо шепнул мне на ухо, наклонившись вперед.

– Пытаюсь.

Боевики сидели снаружи у костра, они врубили музыку на радиоприемнике, и до нас доносились их смех и голоса.

- Я видел, у тебя есть телефон.
- А толку от него? Я не могу позвонить.
- Попросись в туалет и позвони.
- У меня двое детей, если меня убьют, они останутся одни.
- Тогда дай свой сотовый мне.

Его так же могли убить, отобрать мобильник, и тогда все шансы сказать Изгою, где я, у меня отпадали.

- Я сама.
- Так действуй. Нас скоро здесь всех перестреляют.

Я посмотрела на спящего Яшу и на Таю. Судорожно сглотнула. Третий день плена. На них грязные вещи, Тая запрела. Вчера она плакала от голода и просила кушать, я отдала им последние бутерброды. Утром она начнет просить есть, и Яша тоже. Я должна придумать, где взять еду, найти для них воду. Вечером укачивала Таю, перебирая ее волосики, и задыхалась от мысли, что это ее отец обрек нас на все эти ужасы.

«Хочу к папе». – тихо канючила она, а я не знала, что ей сказать. Что это Макс заставляет их голодать, что он ушел от нас? Яша ничего не спрашивал, даже о том, где сейчас его отец, и мне почему-то казалось, что он все понимает. Видит мой страх, мои слезы, когда я снова и снова рассматриваю газету, и понимает. Он с упреком смотрел на меня и отворачивался к окну.

- Хотели бы, уже перестреляли. – ответила я и прижала к себе дочь.

- Не вынуждай меня отобрать у тебя сотовый силой.

Мужик схватил меня за плечо, и я резко повела им, сбрасывая его руку.

– А ты попробуй! – огрызнулась и щелкнула перочинным ножиком, ткнула острием ему в запястье. – Я тебе яйца в дырочку обеспечу. Только тронь!

– Дура! Я помочь хочу! Думаешь, когда твои дети орать от голода будут, боевики их не пристрелят, как пацана того?

- Не надо мне помогать, я сама себе помогу.

Он прав. Надо что-то делать. Время идет. Может быть, Яша и потерпит, а Тая начнет хныкать, она слишком маленькая. Я уложила их рядом, накрыла своей курткой и пошла к выходу, подняв руки вверх.

- Куда прешься?

Один из боевиков преградил мне выход из автобуса.

- В туалет хочу.

- Зачастили с туалетом, да? Терпи до утра.

Я заставила себя проглотить жуткую неприязнь и чувство, что меня разрывает от страха и ненависти. Заставила себя улыбнуться.

– Не могу терпеть. Ну очень надо. Пожалуйста, сжальтесь над девушкой. Вы ведь мужчина... настоящий мужчина, не чета нашим. Никогда русские не нравились...

Бородач ухмыльнулся.

– Хитрая сучка, знает, как подластиться. Ты только болтать сладко умеешь или еще чем порадуешь?

- Может, и порадую.

Я не просто рисковала, а ужасно рисковала, и мне надо было отправить смску Изгою. Срочно и очень быстро. Он отследит звонок, и нас найдут. Это единственная надежда.

- Зовут как?

- Дарина.

Я намеренно не меняла свое имя. Может, пригодится, что он знает настоящее.

- Спускайся, Дарина.

Подав мне руку, и я, схватившись за нее, спрыгнула с подножки.

- Че там у тебя, Закир?

– Девочку в туалет проведу.

– Проведи-проведи.

Они заржали, а я судорожно сглотнула. Если полезет ко мне там в кустах, что я делать буду? Как отбиваться от него, в автобусе дети. Прирезать даже не смогу.

– Красивый ты, Дарина. Стройный, волосы красивый. Муж есть?

– Есть.

– Плохо.

Идет сзади, а я оглядываюсь по сторонам, чувствуя, что заводит в лес, и не отобьюсь от него потом.

– Я это... я сама, ладно? Я быстро.

– Ну давай. Только не долго.

Зашла за кусты и присела на корточки, быстро сотовый достала.

– А у меня русский девушка был. Тоже красивый. Не такой, как ты, но симпатичный. Изменил мне, и я ей шею свернул. Жалко ее был. Очень жалко.

«Нас взяли в заложники возле какого-то ущелья, несколько километров от границы с Чечней. Их пятеро. Вооружены. Есть рации».

– Ты скоро там?

– Скоро-скоро. Иду.

Сунула телефон за штанину в носок, едва успела, как Закир кусты раздвинул и ко мне шагнул.

– А что ты стоишь?

Брови на носу свел и смотрит исподлобья.

– Ты что здесь делал, а? Дарина?

– Штаны застегивала и тебя ждала. Девушки парней сами звать стесняются.

А сама в кармане нож нащупала. Не смогу я. Не смогу даже ради детей. Потом только горло себе резать.

– Какая ты... Ну я пришел.

Шагнул ко мне, и в эту секунду раздались крики со стороны автобуса.

– Закир! Сюда иди!

Он выругался на своем, кивнул мне, чтоб за ним шла. А я Богу тихо помолилась, спасибо сказала. Когда к автобусу подошли, я увидела того мужика, что за мной сзади сидел, он на земле валялся со связанными руками и кляпом во рту, на лице кровоподтеки.

– Удрать хотел. Выскочил из автобуса и побежал.

– Так че мне мешал? Пристрелил бы и все!

– Аслан сказал больше никого не убивать.

– Та ладно, одним ублюдком меньше.

– Я приказы не нарушаю. Засунь его обратно в автобус.

– А что там с обменом?

– Пока нет новостей. Аслан переговоры ведет, когда Назира согласятся отпустить, даст нам знать.

– А если не согласятся?

– Он им сутки дал, потом расстреливать заложников будем. Таков его приказ.

«– Зверь дошел до финиша и идет сюда.

Ахмед резко обернулся к ним, дернул меня к себе с такой силой, что я подвернула ногу и повисла у него на руке.

– Ты же сказал, что Эдик пошел по его следу, мать твою!

Рустам судорожно сглотнул слюну и, быстро посмотрев на Марата, хрипло сказал:

– Эдик мертв. Болтается на финишной ленте. Прямо у болота. Зверь заманил его в трясицу, а потом пристрелил. Тело повесил напротив камер. Посмотри сам!

Ахмед с тихим рычанием погнул вилку, потом схватил меня за волосы и потащил на веранду. Гости стояли в полной тишине и смотрели на экраны – там, на красной ленте, перекинутой через ветку дерева, раскачивался труп мужчины в камуфляжном костюме с залитым кровью лицом. Словно насмешка, в кадр попадала сама лента, а на ней белыми буквами написано «финиш».

Но я уже не смотрела на экраны – я увидела Максима. Он приблизился к дому со стороны леса, слегка прихрамывая, с ружьем в одной руке и окровавленным ножом в другой. Гости притихли, они тоже смотрели на него. А у меня колени начали подгибаться.

– У нас за воротами несколько тачек с Воронами, Ахмед, – тихо сказал Марат. – Если он отсюда не выйдет – начнется бойня.

Но я слышала его, как сквозь вату. Я на Макса смотрела, как он проходит мимо гостей, и те шарахаются от него, как от прокаженного. В каком-то мистическом ужасе, словно от смерти. Он и был похож на смерть. Бледный, даже издали видно, насколько. Перепачканный кровью, в разорванной рубашке. Захотелось закричать, но крик застрял где-то в районе сердца. Ахмед прижал вилку к моему горлу.

– Не дергайся, тварь. Марат, скажи нашим, чтоб ему дали подняться. Не стрелять!

Тот что-то рывкнул на своем языке в рацию, а Ахмед продолжал царапать мою кожу вилкой. Музыка смолкла, и я слышала только биение своего сердца. Когда дверь открылась и Макс зашел в комнату, я громко всхлинула, но Ахмед сильнее сжал меня под ребрами. Максим остановился в дверях, и я, тяжело дыша, смотрела на его лицо и чувствовала, что именно сейчас готова разрыдаться, но что-то останавливало меня. Что-то в его взгляде. Страшное. Нечеловеческое. Никогда его таким не видела. Он смотрел на них на всех исподлобья. Словно готов разорвать на части голыми руками... и самое жуткое, что я в этот момент ни на секунду не усомнилась в том, что он может это сделать. Он не в себе. На какой-то тонкой грани перед окончательным безумием... у него в зрачках жажда их смерти. Не из мести. А именно азарт убийцы...»

Меня передернуло от появившейся перед глазами картинки. Тот жуткий Макс вернулся... Или он никогда не исчезал? Кто он на самом деле? Что скрывается за этими синими глазами, которые умели смотреть на меня с такой страстью?

Глаза моего Зверя... или уже не моего... а был ли он моим когда-то? Свернувшись в позу эмбриона, я кусала рукава своей куртки, стараясь не выть, как раненное животное, обнимая детей и вспоминая, как он улыбался мне, как нежно смотрел на нашу дочь, когда она родилась, как носил меня на руках... как впервые взял меня... как впервые сказал мне, что любит. Именно в такой последовательности. Почему-то от настоящего к прошлому... назад... в тот день, как я увидела его впервые и обрекла себя на проклятие, на медленную смерть. Потому что я все равно любила его. Несмотря ни на что.

Глава 2

Любовь дает лишь себе и берет лишь от себя. Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею. Ибо любовь довольствуется любовью. И не думай, что ты можешь править путями любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет направлять твой путь.

(с) просторы интернета

Ночью они все сидели возле автобуса на улице. К утру засыпали с автоматами в руках. Особо нас никто не сторожил. Я это поняла сразу. Мы для них ничего из себя не представляли. Так, кучка мяса, которую они хотели обменять на кого-то из своих. Поэтому могут стрелять и творить с нами что угодно. А после обмена нас вообще всех убьют.

– Пи-пи хочу, – сонно пробормотала Тая, и я вся внутренне подобралась. Ну вот и начинается. Они там все злые снаружи, дерганные после того, что тот мужик вытворил, могут и не пустить в туалет.

Я посмотрела на Закира – при нем был автомат и, скорее всего, нож. Но он мне казался менее опасным, чем остальные. А точнее, я видела, что нравлюсь ему, а это эмоции. Когда человек испытывает эмоции, он теряет бдительность. Этому меня учил Макс. От одной мысли о нем стало невыносимо больно. Не сейчас. Не в эту секунду. Я должна думать о детях прежде всего. Агония на потом, когда на это будут силы и время. Славик где-то рядом. Он спасет нас. Он что-то обязательно придумает и вытащит нас отсюда. Только потом я начну думать. Иначе с ума сойду и захлебнусь в отчаянии.

– Мама... очень хочу пи-пи.

Я осторожно разбудила Яшу и приложила указательный палец к его губам.

– Я сейчас попрошу, чтоб нас выпустили в туалет. Ведите себя очень тихо. Никуда не бегите, не кричите и не плачьте. Хорошо?

Яша кивнул, и я обняла его за худенькие плечи.

– Ты молодец. Ты очень хорошо справляешься. Мы все вместе сходим в кусты, и все вместе вернемся. А я попытаюсь найти вам воду и что-то вкусное.

Я прикрыла Таю своей курткой и постучала в окошко автобуса. Боевики тут же насторожились, но Закир махнул рукой, и они расслабились, а он подошел к окну с похотливой улыбкой.

– Что такое, красивая, ночи никак не можешь дожидаться? Я б ночью и сам пришел.

– Дети в туалет хотят, – улыбка начала пропадать, – мои дети. Спать потом лягут и ...

Я улыбнулась, и он в ответ, но глаза цепкие, злые, прошелся взглядом по окнам, сжимая автомат двумя руками. Потом дулом указал на дверь и кивнул головой, мол, выходи.

– Яша, помнишь, что я говорила? Спокойно идем, а потом обратно. Не бежать и не кричать. Смотри за сестрой.

Мы шли впереди чечена, одетого в камуфляжный костюм, и я периодически оглядывалась, держа детей за руки. Если удастся включить незаметно сотовый, можно посмотреть – ответил ли мне Изгой. Я даже думать не хотела, что связи не было, и он мог не получить мою смску. Вся надежда была на него, и я, как утопающая, цеплялась за слова Андрея.

– Твой дети слишком разные. У них не один и тот же отец?

– У них разные матери. Девочка моя, а мальчик – сын мужа.

– Как тебя муж одну такую красивую с дочкой отпустил? Я б дома под замок посадил. Дурной у вас мужик у русских. Не воспитывают баб своих. Голыми перед мужиками выстав-

ляют, ноги, сиськи, задница – все наружу и одних отпускают. Сами водку пьют, а жена гулять, пить и курить можно, потом плачут, что баба изменил и семья разрушена. Я б такую жену так воспитал – она б у меня как шелковый был.

– Зачем же всех под одну гребенку?

– Под одну что?

– Зачем обобщать? И у русских другие мужчины бывают. Люди разные.

Ухмыльнулся в черные густые усы.

– Но точно не твой, если мы здесь с тобой разговариваем, и я твою дочь, его сына и тебя под прицелом держу.

Отчего-то подумалось, что если бы Макс об этом узнал, то Закир бы жевал свои кишки и при этом долго оставался живым, завывая от страшных мучений... а потом... потом вспомнила, что Макса больше нет. И кто знает, был ли он вообще когда-нибудь. Ведь приказы этому ублюдку отдает именно он.

– Ну если ты другой, зачем женщин и детей под прицелом держишь?

Черные брови сошлись на переносице,

– Аллах так велел. Народ свой защищать.

– А чем твоему Аллаху угрожаю я и мои дети?

Ему явно не понравилось, куда разговор уклонился, и брови превратились в одну сплошную линию, а глаза злобно сверкнули.

– Я с женщиной глупым это обсуждать не стану. Ты давай делай свои дела, и мы совсем о другом с тобой поговорим.

Приблизился ко мне и по щеке пальцем провел, потом по шее, по губам.

– Будешь послушный и хороший, я воды и еды дам.

– Не трогай ее! – крикнул Яшка и бросился на боевика, вцепился в его ногу и повис на ней. – Руки убери от нее! Гад поганый!

Я чуть в обморок от страха не упала. Если сейчас Закир разозлится и выстрелит... я же сказала, что это не мой сын! Схватила мальчика и прижала к себе.

– Он просто меня защищает. Просто глупый еще мальчик. Вы не злитесь на него. Он сам не понимает, что говорит. Молчи, малыш. Молчиини...

Задыхаясь и лихорадочно глядя по голове, моля Бога, чтоб Яша молчал.

– Отчего глупый? Умный! Настоящий джигит растет! Своих женщин пытается защитить!

Наклонился к Яше и протянул ему конфету.

– На, держи. Смелый ты. Закир любит смелых. Отдай мне палку.

Я думала мальчик не возьмет конфету, но он взял и спрятал в карман, а палку не отдал. Боевик не стал настаивать, он мне на кусты кивнул, и я повела туда Таю. Пока снимала с нее колготки, одной рукой искала свой сотовый, но его нигде не было. Черт! Неужели он выпал где-то в автобусе?

– Мама, эти дяди плохие, да?

– Да... плохие, и поэтому надо вести себя хорошо. Слушаться маму.

Быстро натягивая колготки обратно и ощупывая себя снова и снова.

– Что вы там так долго?

– Сейчас-сейчас!

Нет телефона. Господи! Помогите! Где ж я его деть могла? Или украл кто-то. Почему именно сейчас... Ну где же он?

– Выходите. Вы начинаете меня злить.

Я вывела Таю за руку и посмотрела на Яшу, он так и стоял между нами и Закиром с палкой и смотрел на него исподлобья. Я даже не сомневалась, что он бы бросился на ублюдка, если бы тот нам угрожал. Папин мальчик. Весь в Макса. Даже смотрит, как он – зверенышем...

и снова эта боль полосует по нервам. Его папа по другую сторону баррикад, и я уже не знаю, кто он на самом деле.

Чечен расплылся в улыбке, едва нас увидел. Поправил штаны и сделал несколько шагов ко мне навстречу,

– Теперь скажи своим детям – пусть погуляют, а мы с тобой отойдем ненадолго.

А вот этого я не ожидала прямо сейчас. Думала, удастся время потянуть, поговорить. Идиотка! Оглянулась на Яшу и на Таю и стиснула челюсти. Если откажу, что будет? Он ведь с автоматом и ножом. Может убить нас прямо здесь. Тяжело дыша, перевела взгляд на чечена, а он, видя мое замешательство, улыбаться перестал.

– Скажи, чтоб погуляли и никуда не уходили. Не то с собаками найду. И хватит мне улыбаться. Пошли.

Надо медленно выдохнуть и думать только о детях... я должна думать только о них.

– Мам, а можно я поиграю... – и сотовый мне протягивает. От ужаса у меня зашевелились волосы на затылке и прошибло холодным потом. Если Закир сотовый отберет, то увидит смску и поймет, что кто-то идет за нами и номера узнает. Я выхватила у нее телефон и раздавила его ногой.

– Ах ты сукаааа! – взревел чечен и бросился на меня, схватил за горло. Я отбивалась, что есть мочи, как меня учили на курсах самообороны, как учил сам Максим. Но что я против здорового мужика с военной подготовкой? Он навалился на меня, опрокидывая на землю, придавливая всем телом. Замахнулся и наотмашь ударил по лицу, по одной щеке, потом по другой.

– Тварь! Сука! Я тебя на куски порву!

И вдруг глаза широко распахнул и застыл. Потом медленно назад оборачивается, а я увидела Яшу с окровавленным ножом. Видимо, стащил его у чечена, когда первый раз на него набросился. Оттолкнула от себя Закира что есть силы, и он на бок с хрипом завалился, а я вскочила на ноги, схватила Таю на руки и Яшу за плечо.

– Бежим! Быстрее!

Потом все же склонилась к раненному Закиру, который держался за бок и хрипел, выдернула флягу у него из-за пояса, сунула за пояс себе, отобрала автомат, зажигалку, конфеты. Направила на него дуло автомата... потом передумала. И нет, не от жалости... патронов жалко. Я не знаю, сколько их у него там, а нас могут преследовать.

– Яша, беги! Так быстро, как умеешь!

Мы бросились вглубь леса что есть мочи, не оборачиваясь. Вот и все. Обратной дороги больше нет. Надо выбираться отсюда.

Мы бежали около часа или двух. Путаясь вокруг деревьев и слыша вдалеке собачий лай. Ублюдки обнаружили своего товарища и теперь гнались за нами. Я отрывала от одежды куски ткани и бросала в кустах, а мы мчались совсем в другую сторону, чтобы запутать следы. Так учил меня Максим... Он учил меня всему в этой жизни... всему, кроме того, как жить без него. И это самое жестокое, что он сделал со мной – оставил одну. Одну со всем этим адом, со всеми этими страшными сомнениями, с жуткими доказательствами его вины... нет! Не вины! Хуже! Доказательствами того, что он и не он вовсе. Доказательствами того, что нас не было никогда... А как же небо? Оно тоже мне лгало?

– Даша! – закричал мальчик, и я встрепелась. – Смотриии!

Нет! Нееееет! Не сейчас! Трясла головой, прогоняла мысли прочь. Выжить. Спасти детей. Вот о чем я должна думать, и я выживу. Выживу, чего бы мне это не стоило.

– Здесь мертвое животное...

Рядом с кустами валялся дохлый шакал, его разодрал какой-то другой зверь и довольно давно, так как в воздухе стоял отвратительный запах. К горлу подступила тошнота. Вспомнились дохлые крысы в детском доме.

– Воняет! – сказала Тая и закрыла носик ладошкой, я отвернула ее так, чтоб она не видела полуразложившееся животное.

– Я устал, – тихо сказал Яша, который до этой секунды не жаловался.

А я... я придумала, как скрыться от собак.

– Закройте глаза и носы и постарайтесь дышать ртами, хорошо?

Я обмазала одежду детей и свою кровью мертвого шакала. Мне казалось, этот сильный и мерзкий запах собьет псов с нашего следа. Яша не жаловался, а Тая хныкала, что ей воняет и першит в горлышке. Наверное, вонь вызывала у моей малышки позывы к рвоте.

– А теперь нам надо найти, где спрятаться.

Вскоре мы все же оторвались от погони, и собачий лай стих, они нас потеряли. У меня получилось. Я сама выбилась из сил, и Яша уже еле переставлял ноги, когда мы наконец-то нашли глубокую охотничью яму. Это было спасением. Мы спустились в нее по двум толстым палкам, предварительно обломав ветви и оставив сучья по бокам. Я показала Яше, как спуститься, а потом посадила Таю к себе на спину и спустилась сама. Оставила ее с братом, выбралась наружу, нашла пушистые ветки и прикрыла яму сверху так, чтоб ее не было видно, потом насобираала дров. Вернулась обратно к детям, постелила свою куртку, разложила ветки и подожгла, чтобы согреть детей и согреться самой. Ночью в лесу было очень холодно и сыро, пробирало до костей. Пока мы бежали, мы этого не чувствовали, а сейчас я видела, как дрожит Тая и кутается в тонкую куртку Яша. Тая уснула сразу, а мальчик лег рядом, но не спал, а смотрел на языки пламени. Такой еще ребенок, совсем малыш. И эти ресницы длинные, как у девочки, носик ровный, губки бантиком. Едва уловимые черты простиупающей будущей взрослости, но лишь штрихами, и это сходство с Максимом... И снова полоснуло воспоминанием, как Яша ножом Закира ударил.

– Ты как нож у него украл? – тихо спросила и руки вытянула к огню.

– Когда бросился ему на ногу, почувствовал за штаниной, он в ботинок его спрятал, и рукоять торчала. Я в фильме видел, как один парень так оружие у врага украл.

Тоже встал и ладошки к костру протянул. Рядом с моими они маленькие и тонкие.

– Аааа, как ножом ударить, тоже видел?

– Конечно! Я фильмы про войну смотрел и боевики всякие. Мымра спать ложилась, а я смотрел.

Уверенно отвечает. Даже восторженно.

– Не страшно было человека ножом?

Спросила и затаилась, у самой до сих пор мурашки по коже.

– Неа! Если б я его не ударил, он бы тебя убил. Тут выбирать надо было – или ты, или он. Кого-то мне это напомнило даже блеск в синих глазах звериный, как у маленького волчонка.

– И ты меня выбрал?

Он кивнул и вдруг обнял меня за шею, прижался всем телом.

– Ты теперь моя мама. Я за тебя кого угодно убью. Даже его!

– Кого его?

– Отца!

Вся сжалась, внутренности перевернулись от его слов, тошнота к горлу подобралась.

– А он здесь при чем?

– Я видел ту газету и узнал его! Мы из-за него здесь... Он плохой!

И сердце ухнуло вниз, сжалось спазмом сильным и болезненным, как будто ребенок озвучил то, чего я так сильно боялась.

– Нет! Ты что? Твой папа не плохой! Мы не знаем, почему он там, нельзя осуждать человека, не выслушав, не дав возможности оправдаться! Посмотри на меня и запомни, – я обхватила личико ребенка ладонями, приблизила к своему, глядя прямо в ярко-синие глаза, – твой отец самый сильный, самый лучший и самый... самый любящий! И никогда не думай иначе! Что бы не случилось, не смей так думать!

– Тогда что он делает там? Почему не спасает нас?

– Он не знает, что мы здесь! Когда узнает, обязательно спасёт! Вот увидишь! Твой отец ради нас землю вверх ногами перевернет и ад подожжет вместе с дьяволом! Понял? Помни об этом! Помни всегда!

Мне ужасно хотелось верить в свои же слова, и пока я страстно говорила свою речь, я верила, всем сердцем и всей душой верила. А когда Яша уснул, и я осталась один на один со своими мыслями и страхами, верить было сложнее.

Утром я скормила им конфеты, дала нагретой воды. Где-то здесь должна быть река или ручей. Я слышала, об этом говорили боевики, когда мы на автобусе ехали. Мне бы найти водоем и помыть детей. Особенно Таю. А потом идти к дороге. Если вода пресная, то можно набрать во флягу... но этого мало, конечно. Найти б какую-то емкость. Люди всегда после себя мусор оставляют, и сейчас мне бы это было на руку.

Ручей я нашла неподалеку от нашего укрытия. Я даже не знала, как это назвать. В географии я совсем не сильна. Течение быстрое и шумное. Я вернулась за Яшей и Таей. Пока дети плескались в воде, я лихорадочно думала о том, куда бежать. Как незамеченными выйти к дороге. У нас ничего нет – ни денег, ни телефона. Ничего.

Яша играет с Таей... Вот она беззаботность детства, когда можно отключить все мысли, забыть об опасности и наслаждаться каждым мгновением. Если бы все это было не здесь... а где-то в другом месте, и Максим был с нами. Смотрел, как они играют вместе. Наши дети. Наша Тая и наш Яша. Он ведь стал моим с той секунды, как я впервые обняла его худенькое тельце и заглянула в синие глаза, полные боли и надежды. Я бы уже никогда от него не отказалась.

– Все! Хватит! Вылезайте!

– Неее! Еще немного. Совсееем чуть-чуть.

– Хорошо. Еще немного... – и устало улыбнулась. Пусть плескаются, ночью придется идти к дороге и, возможно, утром тоже.

И вдруг послышался собачий лай совсем близко. Я подпрыгнула на месте, даже не успела о чем-то подумать, рванула в воду, выхватив автомат, поворачиваясь спиной к детям, закрывая их собой, и лицом к берегу, куда выскочили две немецкие овчарки, а за ними один из чеченов.

– Яшаааа, бери Таю и на другой берег, быстро! Прячьтесь!

Позади нас только каменистый островок и углубление в камнях. Дети наверняка спрятались именно там, потому что больше нигде, а я, целясь в боевика, пятилась за ними спиной. От отчаяния и понимания, что это конец, похолодело все внутри, и дыхание застряло в ребрах, причиняя адскую боль.

– Ни шагу! Я тебе башку прострелю! – прорычала чечену, который сделал шаг к воде.

– Опусти оружие, дэвочка, и живая останешься!

Он пошел на меня, а я в доказательство, что не шучу, прицелилась и выстрелила. Пуля зацепила ему ухо, и я увидела, как кровь брызнула на камуфляжную куртку. Да, Максим научил меня хорошо стрелять с любого вида оружия и всегда говорил, что я очень меткая.

– Ссссука!

– Следующий выстрел тебе в глаз!

Чечен опустил автомат и несколько секунд с ненавистью смотрел на меня, потом поднес рацию к лицу.

– Нашел сучку. Нет с ней никого. Только дети. Никуда не денется. На островке они.

Глава 3

Женщина не может быть счастлива, если она нелюбима, а ей нужно только это. Женщина, которую не любят, – это ноль и ничего больше. Уж поверьте мне: молодая она или старая, мать, любовница... Женщина, которую не любят, – погибшая женщина. Она может спокойно умирать, это уже не важно.

(с) Коко Шанель

Никто и не думал к нам приближаться. Зачем им это? Они просто окружили нас и стерегли с собаками, не давая даже высунуть нос из-за камней. Стреляли то в воздух, то по песку так, что Тая вскрикивала, а Яша сжимал пальцы в кулаки и изо всех сил старался не подавать виду, что ему страшно.

Они знали, что делают. Ведь у нас не осталось ни пресной воды, ни еды. А со мной маленькие дети.

– Кушать хочу... мам.

Отломила кусочек своей шоколадки и протянула ей и Яше, понимая, что завтра нам придется выйти из убежища. С берега доносится запах жареного мяса и треск костра. А наше место так мало, что мне негде развести огонь, и я изо всех сил прижимаю к себе детей, растираю им плечи и ручки, ножки, чтоб согреть. Яша протянул Тае свою часть конфеты.

– Кушай сам, ты что!

– Она маленькая, и она девочка. Пусть ест, а я потерплю.

Мой мальчик, какой же ты уже маленький и сильный мужчина. Привлекла его к себе и поцеловала в макушку. Прошел еще один день. Адский. Жаркий. Воды осталось несколько капель, и я отдала ее детям. К вечеру ощущение безысходности и понимание, что Изгой не придет, довели меня до отчаяния. Хотелось рыдать от бессилия и рвать на себе волосы.

– Эй, русская, жрать не хочешь? Выходи, мы тебя накормим!

И ржут.

– Да, напихаем тебе в рот, а мелких твоих поджарим! Выходииии!

Мне хотелось их расстрелять, хотелось исполосовать их автоматной очередью. Но такое только в кино показывают, а у меня наяву все. И едва я вскину автомат, они убьют меня, и дети останутся сами. От одной мысли об этом стало страшно до дикой дрожи.

Тая лежала на моих коленях, а Яша забился возле камней и дрожал от холода. Меня мучила страшная жажда. О голоде я старалась вообще не думать. А вот журчание воды неподалеку сводило с ума. Но если я выйду из укрытия, меня тут же подстрелят. Жажда... она страшнее всего, она сводит с ума, и я изо всех сил стараюсь глотать слюну, чтобы не так саднило в горле, и мысль о том, что во фляге есть немножко воды, пульсирует в висках, и я адскими усилиями воли сдерживаю себя, чтобы не выпить последнее.

Легла рядом с Таей и обняла ее маленькое тельце. Я не буду думать ни о чем, не буду думать о жажде... Но не могла. Повернулась к Яше.

Я смотрела на его спину, на худенькие плечи, потом опять на Таю, бледную и ослабленную, она вздрагивала во сне. И вдруг я резко встала. В тот же момент Яша повернулся ко мне.

– Нет! Не ходи к ним! Нееееет! – он яростно тряс головой. – Не надоооо!

– У меня нет выхода, Яшенька, нету, понимаешь?

– Они тебя убьют!

– Не убьют!

Я подползла к нему и обняла его за плечи.

– Твой отец там, и он не позволит им этого сделать.

– А если позволит? – и в глазах отразился ужас.

– Нет, не позволит. Что ты! – я обхватила лицо малыша ладонями. – Он должен узнать, что мы здесь, и никто нас не тронет.

Я говорила это и... и изо всех сил надеялась, что именно так и будет. Я приняла решение, и почему-то мне стало легче. Бездействие и ожидание убивают, умертвляют всю надежду. Мои дети больше не будут голодать и умирать от жажды. Я все еще Дарина Воронова. А Тая ЕГО дочь! Как и Яша его сын!

Пусть сейчас я и жалкое подобие той Даши, которой была. Тень. Отражение в грязной воде. Но ему придется подумать о детях, если не обо мне. Ничего. Пусть смотрит, в каком мы состоянии и до чего он нас довел. Пусть узнает, что мы здесь.

– Я сейчас выйду к ним, а вы прячьтесь здесь... Если...если услышите выстрелы, ничего не делайте и просто ждите. Они вас не тронут.

Говорила и цепенела от ужаса, если ничего не получится, мы все умрем. Дети умрут из-за меня. Я виновата. Я притащила их сюда. От паники вся покрылась каплями холодного пота. Не думать об этом. Только не думать!

Наклонилась, поцеловала спящую Таю, потом Яшу и встала в полный рост.

Боевики лежали возле костра. Их было трое и две собаки. Я могу успеть застрелить хотя бы одного. А может, двоих. Только это ничего не изменит, и тогда они не пощадят детей. Я вошла в воду и медленно пошла в их сторону. Собаки приподняли морды и пошевелили ушами, но лаять не стали. Когда я вышла на берег, дрожа от холода, стуча зубами и сказала:

– Эй!

Ублюдки повскакивали и схватились за автоматы. А потом один из них усмехнулся и тут же расхохотался.

– А вот и птичка прилетела. Кушать всем хочется. Я же говорил, что она придет.

Встал с земли, а я вздернула подбородок и швырнула ему автомат.

– Свяжись со своим главным. Скажи, говорить с ним хочу.

Они переглянулись, и лысый с одной бородой без усов продолжил ржать.

– С каким главным, дэвочка? Я здесь главный. Мама и папа. За едой пришел? Так и скажи. Я добрый. Я тебя вначале любить, потом он любить, потом он, а потом кормить и детей накормить. Ахмед обещает.

Какое гадское имя. Аж всю передернуло. Подошел ко мне и дернул к себе за шиворот.

– Раздевайся.

По телу прошла дрожь, и я напряглась так, что казалось, все нервы полопаются.

– Аслану своему передай, что здесь его жена и дети.

Ахмед... проклятое мерзкое имя, продолжал смеяться, а потом вдруг перестал.

– Чья жена?

– Аслана Шамхадова вашего.

– Ты?

Осмотрел меня с ног до головы и с неверием снова уставился мне в глаза.

– Лжешь!

– Так проверь. Свяжись с ним и сам у него спроси.

– Что она там несет? Что за бред?

Бородатый разжал пальцы и посмотрел на своих товарищей. Сказал им что-то на своем языке, и они переглянулись. Один из них протянул Ахмеду сотовый, и тот быстро набрал чей-то номер.

– Да, брат. Взяли. Сама вышла. – перевел взгляд на меня, потянул носом и смачно харкнул на землю. – Не могу сейчас горло перерезать. Аслана позови. Надо! Она утверждает, что жена его! – и тут же расхохотался. – Ясно! Так и знал!

Повернулся ко мне с ослепительно-гадкой усмешкой.

– Аслан говорит, у него слишком много жен, и он разрешает одной из них перерезать глотку.

– Скажи ему... Скажи ему – в космосе погасли все звезды, ни одной не осталось.

Он заржал снова и опять что-то в трубку на своем сказал, попутно протягивая руку и расстегивая первую пуговицу на моей кофте, а мне кажется, я сейчас сдохну на месте. И вдруг замер. Улыбка исчезла. Повернулся к своим.

– Аслан велел пока не трогать и к нему привести. Детей тащите в автобус.

Мне завязали глаза и забросили в машину. Я только и успела увидеть ВАЗ, выкрашенный в цвет «хаки», меня затолкали в багажник и громко хлопнули крышкой. Я старалась думать о том, что с детьми ничего не случится, и Максим отдаст приказ их не трогать, но не была ни в чем уверена. Ведь ему сказали, что их двое, а он знает, что у нас один ребенок. Мы куда-то приехали примерно через час-полтора. И вот теперь жалкую, истощенную, грязную меня тащат по темным коридорам, внутрь заброшенного здания, а я и не сопротивляюсь. Сил нет. Даже произнести одно слово. Я все же добралась к нему живая. И теперь осталось одно – увидеть его и сказать о наших детях, а потом уже можно умирать, если он так решит.

Вдалеке слышались голоса, музыка, стоны и крики. Музыка восточная, а разговоры на чужом языке и на русском. В основном орут мужчины, а женские крики можно назвать, скорее, характерными стонами. Кто-то истерически смеется. Меня продолжали тащить, и шум с музыкой приближались... Мне вдруг стало безумно страшно. Мне захотелось забиться в истерику и умолять этих людей не снимать с моих глаз повязку. Пусть не делают этого, пусть я останусь в святом неведении или ослепну.

– Аслан, мы привезли ее. Что с ней делать?

Ему ответили не сразу, а я не просто взмолилась, я внутренне взывала. Мне одновременно хотелось, чтоб ответ произнес знакомый голос, давая шанс выжить нашим детям, и в то же время казалось я умру на месте, если услышу его... если узнаю в голосе Нечеловека голос своего мужа. И услышала... Сердце рвануло вниз, болезненно сжалось и замерло.

– Сними с нее повязку, Рустам.

Хрипло, с придыханием, будто бежит и, задыхаясь, прерывается. Повязку содрали, и мне показалось, что я попала в Преисподнюю и вижу вакханалию похоти и разврата. Повсюду обнаженные тела, сплетенные в дикой нескончаемой оргии секса и боли. Пиршество демонов, сорвавшихся с цепи от безнаказанности и абсолютной власти. Когда-то я уже видела нечто подобное. Видела, как пользуют и насилуют женщин... и ОН обещал мне, что больше никогда я не увижу ничего подобного. Он уберет и позаботится обо мне. .

Не уберет... И самое жуткое из всего, что могло произойти, он был там... там, в самом центре всего этого хаоса. Мой муж...

В глазах тут же потемнело, сердце перестало биться. Боже... ведь так люди умирают? Такую боль они испытывают в момент смерти? Или смерть не столь болезненна, как это... как это... Слов не было. Я онемела. Я увидела Зверя в истинном облики, таким, как никогда не видела его раньше. Похотливого, мерзкого самца. Нет, он не бежал, он был занят. Настолько занят, что не обернулся ко мне. Максим развлекался с тремя обнаженными девушками. Одну из них он целовал в шею, громко, смачно, оставляя засосы и не прекращая дико, неистово трахать ее, сминая пальцами крутые бедра, шлепая по ним и оставляя на них красные следы. Голый по пояс, со спущенными на колени штанами он яростно двигался, ритмично сжимая свои упругие ягодицы при каждом толчке. Две другие девки ожидали очереди, облизывая его босые ноги, обсасывая пальцы, тянули к нему руки, хватали за грудь, лезли целовать его спину и шею. Умоляющие глаза, жадно приоткрытые рты, ищущие ладони, скользящие по его идеальному бронзовому телу. Я зашла в безмолвном вопле адской боли и отчаянья. Казалось,

я так громко ору, что кровь течет из ушей, а на самом деле не издала ни звука. Только глаза остекленели, чтобы запомнить навечно свою смерть.

В тот момент, когда наши дети страдают от голода и жажды в руках ублюдков, убиты невинные люди, захвачен автобус с заложниками – мой муж пирует.

Бал во время чумы, и мне воняет трупным смрадом и кажется, что все эти подонки там, трахающиеся, как животные, насилюющие женщин, которым запрещено сопротивляться, давно уже не являются людьми.

– Аслан! – крикнул тот, что удерживал меня под руку, чтоб я не упала. – Куда ее? Здесь оставить?

А меня уже не стало. Я умерла. Такую боль выдержать невозможно, и ненависть слишком пустое чувство по сравнению с тем, что я испытывала к НЕМУ. Это казнь. Ампутация меня самой. Безжалостная и совершенно молниеносная.

Макс обернулся, скользнул по мне мутным взглядом и продолжил совокупляться с блондинкой, извивающейся под ним и виляющей задом, завывающей от каждого его толчка. Мой муж держал ее за волосы и за горло, и по его мощной спине прокатились волны наслаждения. Он ускорил толчки, и струйки пота покатились по его смуглой коже, рельефно бугрящимся мышцам, вздувающимся в такт движениям. Он сильнее сдавил горло девушки так, что она захрипела. Я услышала его последний рык и с омерзением поняла, что он кончил в тот момент, когда переломал ей шейные позвонки. И никого это не ужаснуло. Никого, кроме меня. О Боже... Жуткое полуголоое чудовище не могло быть моим мужем.

– Аслан. Эта русская полудохлая и тощая утверждает, что она – твоя жена.

Он заржал, а я не выдержала и обмякла в его руках. Повисла, не в силах стоять на ногах. Мне не хотелось никуда смотреть, мне хотелось выдрать себе глаза и никогда не видеть то, что увидела.

Максим откинулся на кушетку, застегивая ширинку, оттолкнул мертвую девушку носком солдатского ботинка. Две другие продолжали цепляться за его ноги, тянули к нему руки. А он смотрел на меня. Прямо мне в глаза. И я впервые не знала, что вижу там, в этих жутких синих глазах. Потом отпил из фляги и кивнул одному из своих людей:

– Уведите ее, я потом с ней разберусь. Пусть в подвале сидит. Стереги. Башкой за нее отвечаешь. Сбежит – сверну. И не трогать!

Меня тут же потащили обратно, идти сама я не могла. У меня отказали ноги. Я их просто не чувствовала, они онемели. Но возле выхода я не выдержала и обернулась, чтобы зайтись от боли – он даже не смотрел мне вслед. Посадил на колени другую темноволосую девушку и, зарывшись пальцами в ее роскошные длинные волосы, такие, как раньше были у меня, жадно впился в ее губы, и она прильнула к нему всем телом. Я обмякла совершенно и закрыла глаза. Нет. Ни одной слезы не было. Я высохла, замерзла настолько, что слезы превратились в лед и резали меня осколками изнутри. Я истекала кровью. Один из ублюдков поднял меня на руки и вынес оттуда. Как же адски больно все отмирает... все. Кроме этой проклятой и ненормальной любви к своему убийце.

Меня бросили в жалкое подобие темницы. Скорее, подвальное помещение, разделенное на секторы с решетками, где кроме меня были еще люди. Упала на пол. Но боли не почувствовала, прислонилась щекой к ледяному кафелю и закрыла глаза. Я не знаю, сколько времени пролежала там. Наверное, несколько часов. Внутри все горело от жажды и голода. В голове нарастал дикий рев, в горле пекло. Я умираю? Или еще нет? Как бы я хотела... но нельзя. Сначала я вымолю жизнь моим детям, ДА, ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО МОИМ ДЕТЯМ, а потом...потом пусть делает со мной, что хочет.

В тот самый момент, когда почувствовала первые судороги и позывы к голодной рвоте, лягнули замки, мне швырнули бутерброд, завернутый в пищевую пленку. Словно сквозь туман я услышала голоса боевиков:

– С чего бы такая милость? Другие подышают от голода уже несколько суток, а эту только притащили и сразу кормить. Трахнуть бы сучку и горло перерезать. Слышал, она Закира ранила, дрянь.

– Аслан приказал накормить... значит, у него насчет нее свои планы. Нам какое дело?

– Да какие на хер планы насчет этой? Ты ее видел? Кожа да кости. У меня на такое не встанет.

– А трахать хотел бы. Вот, может, и он хочет. Ты ж знаешь правила. Новеньких сначала Аслан и Шамиль, потом мы... если жива останется.

Ухмыльнулся и на меня посмотрел.

– Я б ее разочек раком поставил. Никто б не узнал.

– Тебе сказано – не трогать, вот и не трогай. Или хочешь, как Иса, без яиц остаться?

– Я жрать хочу и девку хочу. А мне запрещают трахнуть даже этот мешок с костями.

– Правый рука – твой друг, брат.

– Да пошел ты!

Они громко заржали, а я из последних сил поползла к свертку... протянула руку и замерла. Вспомнила голодные глаза Таи и Яши, и стало до дикости стыдно, что я сейчас поем, а они там... Если выживу, еду надо им отнести. Прижала сверток к груди и легла на пол, закрывая глаза. Наверное, я теряла сознание или засыпала от усталости и перенесенного шока.

И перед глазами только ОН. Картинки обрывочные из нашего прошлого и улыбка, везде его дьявольская улыбка, которую я требовала запретить законом, а теперь любила и так же люто ее ненавидела за то, что она вообще существует.

Из сна меня вырвал удар под ребра. Достаточно сильный, чтоб меня подкинуло, и я открыла глаза.

– А ну жри, тварь! Сдохнешь мне еще здесь, а я потом отвечать за тебя буду перед Асланом!

Отрицательно качнула головой и вцепилась в свёрток.

– Держи ее, а я впихну в эту суку насильно. Открой рот, тварь! Давай!

Я стиснула зубы, но они были в тысячи раз сильнее, больно давили мне на щеки.

– Эй! Вы! Аслан сказал к нему ее привести через полчаса! Вы что творите! Не трогать!

Крикнул кто-то, и я выдохнула с облегчением, когда пальцы мучителей разжались. Меня приподняли с пола, побили слегка по щекам и прислонили к губам горлышко бутылки, в горло полилась прохладная вода, и я начала пить ее жадными глотками, цепляясь за руки боевика дрожащими пальцами.

– Два идиота! Он же сказал – не трогать! Она от жажды уже сознание теряет!

Похлопал меня по щекам и в глаза посмотрел серьезными непроницаемыми темными глазами. Все лицо скрывает густая щетина.

– Вот теперь в себя пришла. Давай подними ее и пошли. Я к вечеру еще хочу поучаствовать в празднике – Шамиль возвращается. Его отпустили.

Меня рывком подняли с пола, и я пошатнулась. Голова все еще кружилась, а в висках пульсировало дикое желание вцепиться в этих ублюдков и рвать ногтями и зубами.

– Не пойму, на хер она ему сдалась? Худая, ободранная, грязная. Он ее реально трахать собрался?

– Тебе какая разница? Лично мне насрать, что он с ней делать будет, и подбери слюни. Никакая она не страшная, если у тебя на нее колом стоит.

– Да пошел ты!

– У меня на вечер вот что есть.

Помахал перед носом второго боевика пакетиком с белым порошком.

А меня толкнули в спину.

– Давай иди, сучка, сама. Я задолбался тебя таскать!

Глава 4

Легко ли быть Богом? А Ты попробуй. Сначала полюби. Легко любить добрых, щедрых душой, умных, красивых, интересных и талантливых. Хотя бы близких по духу. А Ты полюби тех, кто плюёт в душу, кто плодит низость и бьёт в спину, полюби тех кто предаёт и лжёт.

Полюби, зная, что ничего не изменится, и эти люди не станут лучше благодаря твоей любви. Они сожгут, распнут, даже не добьют до конца, бросив мучиться. А Ты прости. Всё прости и продолжай любить. Искренне, не щадя себя, глубоко, как любят идеал, как матери любят сыновей, как женищина любит мужчину, как скрипач любит свою скрипку, как способен любить только Бог. Когда этого станет мало – распахни грудь. Пусть твоя душа станет проходным двором, для каждой боли, для каждой беды. Для любой судьбы, уже потерянной в бездне времён, или только грядущей.

(с) Аль Квотион

– Пусть снимет свои шмотки и наденет вот это. – ткнули мне в руки какое-то платье, скорее напоминающее бесформенный мешок.

– У нас не было приказа ее раздевать.

Один из боевиков, тот, что хлопал меня по щекам и вливал воду, пожал плечами.

– Это правила для всех – заложники снимают одежду. Мы должны знать, что она ничего не прячет в своих штанах или кофте. Да и шмотки хорошие – отдадим в лагерь. Раздевайся.

Я отрицательно качнула головой.

– Я сказал, раздевайся, или я раздену.

Щелкнул пальцами, и я увидела в его руке нож. Нет... умирать мне нельзя. Там дети. Сами. Отвернулась и стянула с себя кофту, затем штаны. Один из тварей присвистнул.

– А говоришь, кожа да кости. Уууух, какая задница. Я б и на сиськи посмотрел. Пусть повернется.

– Рустам!

– Что? Я ж не трахаю. Я потрогать хочу.

Почувствовала, как меня облапали за ягодицы и больно ущипнули. Стиснула челюсти и закусилась нижней губой.

– Повернись, сучка.

Я быстро схватила платье и начала натягивать через голову.

– Повернись, тварь, я сказал! – схватил за волосы, дергая к себе.

– Да пошел ты! – плюнула ему в рожу, и он наотмашь ударил меня по щеке, так, что в глазах заплясали искры.

– Уймись! Приказано было не трогать!

– Она в меня плюнула, уууу, сукааа! – снова замахнулся, но его оттолкнули в сторону, не давая меня ударить, а у меня от страха засосало под ложечкой, и все тело начало дрожать. Я больше не была уверена, что человек, который назывался моим мужем, защитит меня.

– Все! Отпусти! Я успокоился! – схватил меня под руку. – Пошла! Давай!

Когда меня вывели снова в коридоры, я наконец-то вздохнула. Из-за стен все еще доносились звуки музыки, хохот, звон разбитого стекла. Но мы не пошли в сторону адского праздника, мы свернули к узкой лестнице, ведущей наверх. Видимо, в покои самих хозяев вертепа. И если снаружи здание казалось недостроенным, внутри было все устроено для личного ком-

форта его обитателей. Нет, никакого шика, естественно. Ничего, что более или менее походило бы на то, что я привыкла видеть в нашем доме. Скорее, некое подобие цивилизации, где стены без покрытия и обоев, но на них мог висеть плазменный телевизор, а на полу ковры один на другом, но кое-где просвечивает голый бетон. Поднялись на последний этаж, и один из боевиков постучал в железную дверь:

– Аслан, привел к тебе русскую.

– Входи.

Отворив железную дверь, втокнул меня внутрь. Узкая комната, без окон, практически без мебели. Только шикарная двуспальная кровать, кресло и тумбочка. На кресле валяются вещи. И я увидела ЕГО, появившегося сбоку, из темноты. Скользнул по мне безразличным взглядом и повернулся к Рустаму:

– Я разве приказывал ее раздевать?

– Так всех заложников...

Он вдруг сгреб Рустама за шкуру, и у того с головы слетела шапка.

– Я спрашиваю – Я ПРИКАЗЫВАЛ ЕЕ РАЗДЕВАТЬ?

Повернулся ко мне и, схватив за лицо, развернул на свет, при этом совершенно не глядя мне в глаза... а я... я не могу смотреть на него. Просто не могу. Меня тошнит от одной мысли, что я увижу родное лицо так близко и... пойму, что оно стало настолько чужим и страшным.

– А это что? Кто?! Это сделал кто?

Несколько секунд смотрел Рустаму в глаза. Потом за шкуру подтащил к тумбе, схватил за руку, насильно заставил положить ее на деревянную поверхность.

– Не надо, Аслан... не надо, брат! Она меня оскорбила... она в меня плюнула... брат, не надо, прошу!

Максим посмотрел на боевика, и тот весь обмяк, покрываясь потом.

– Разожми пальцы, или это будет рука.

– Аслааааан.

– Разожми!

– Аааааааааааа...

Я зажмурилась, когда услышала дикий вопль.

– Еще раз тронешь кого-то или что-то без моего приказа, пристрелю, как бешеную собаку. Скажи спасибо, что жив остался.

– Спасибоооо, – рыданием.

Я все еще стояла с крепко зажмуренными глазами, вжавшись в стену спиной, когда захлопнулась железная дверь.

Послышались шаги, и я скорее угадала, чем увидела, что Максим стоит напротив меня. Еще несколько шагов, и он совсем рядом. Я медленно открыла глаза. Наши взгляды встретились, и тело пронизал ток, пригвоздив меня к полу.

Нет больше синевы... она спрятана под линзами. На меня смотрит сама чернота. И в ней нет жалости. Глаза, налитые кровью, с мешками под нижними воспаленными веками, затуманенные наркотиками, просто царапают мое лицо. Он рассматривает меня... как подопытное насекомое. Скрестив руки на груди.

– Идиотка, – скрипучим, хриплым голосом, так не похожим на его собственный. Молчу, глядя на него и дрожа всем телом. – Кто прислал?

– Там... в автобусе твои дети. Они голодают. Позаботься о детях... М

– АСЛАН! – прорычал тихо, не давая назвать его имя.

– Аслан..., – повторила жалким срывающимся шепотом. Но он даже не обратил внимание на мои слова, закурил, с шипением затянулся сигаретой и выпустил дым мне в лицо.

– Я спросил, кто прислал и зачем?

Усмехнулась пересохшими губами.

– Прислал? О чем ты... мы к тебе приехали. Я и дети... Они там в автобусе, ты понимаешь? Их же могут пристрелить, обидеть, ударить! Там Таяяя. Она не ела несколько дней.

Он отошел к тумбе, и я захлебнулась криком, когда мой муж смахнул с нее пальцы... о боже... боже мой..., открыл ящик, достал два стакана. Налил себе воды, потом повернулся ко мне.

– Пить хочешь?

Пить? Он предлагает мне пить, после того, как я сказала ему, что наша дочь в автобусе с террористами?

– НЕТ! Я не хочу пить! Я хочу, чтоб ты сжалился над нашей дочкой и над... над твоим сыном!

– Сыном? У меня нет сына! Как, впрочем, нет и жалости.

– Это сын... сын сестры Фимы... ты с ней... у тебя... Его Яша зовут. Я усыновила и...

– Мне неинтересно, можешь не рассказывать о широте и доброте твоей души.

Снова подошел ко мне и ткнул мне в руку стакан.

– Так вот насчет жалости. У тебя ее не было, когда ты тащила сюда и тащила их за собой. Хотя знаешь, – ухмыльнулся жуткой ухмылкой, которую я никогда не видела по отношению к себе, – хорошо, что ты здесь. Мне нужно пару услуг от моего так называемого братца, и ты мне обеспечишь его сговорчивость, как и дети.

Неужели мне это говорит он, вот с таким ледяным равнодушием... Боже, кто он? Дьявол? К кому я пришла просить?

– Дай мне еду и отпусти меня к детям. Отпусти нас всех.... Если ты больше не ты... отпусти нас!

Он расхохотался, и я невольно закрыла уши руками.

– Отпустить сестру Андрея Воронова? Ты сама приплыла ко мне в руки и поможешь сделать его посговорчивей. И будешь молчать о том, кто я такой... иначе я отрежу тебе язык.

Прозвучало с ненавистью и так зловеще, что я не усомнилась в его словах. Это не была угроза, и черные глаза сверлили во мне дыру.

– Не сестру Андрея Воронова... а жену Максима Воронова! Ты забыл, что я все еще не дала тебе развод. Твои дети носят твою фамилию. Мы все Вороновы, такие же, как и ты. Твоя кровь и плоть! Максиийим! Сжался. Я пришла к тебе умолять. Пусть ты вычеркнул меня, пусть совсем обезумел от смерти и крови, но вспомни о дочке. Нашей дочке. Твоей!

Он вдруг резко развернулся ко мне.

– Я не Воронов. У меня не было фамилии никогда, и никто из вас не знает, кто я на самом деле. Поэтому насрать на развод. И на тебя. Ты мне никто. И всегда была никем!

И ни слова о детях. Бьет наотмашь каждой фразой... пусть бы бил словами и о них... но он избегает даже упоминать. Как будто именно это он не слышит или не хочет слышать.

Максим залпом осушил стакан с водой и швырнул его о стену. Осколки стекла символично засверкали на полу. Вот так он разбил и нашу любовь... нет не сейчас... а когда отказался от нас и добровольно решил избавиться от всех воспоминаний. Я бросилась к нему и вцепилась в рукав куртки.

– Посмотри на меня, Максиийим. Что ты делаешь? Где ты? Я не вижу тебя... Кто это... кто передо мной сейчас? Где ты дел Максима, которого я так безумно любила?

– Любила? – усмехнулся с оскалом, не весело, а страшно, зло. – Пох*й! Поняла? Мне плевать. На тебя, на сраную любовь, на всякую ху***ту, которую ты там себе придумала и пытаешься меня ею «лечить». Я никогда и никого не любил и любить не умею. И ты конченная дура, если думала, что когда-то было иначе.

Выдернул руку и грубо оттолкнул меня от себя... Я бы зарыдала сейчас, взвыла бы, но не смогла произнести ничего, кроме ужасающе хриплого:

– Тебя убьют здесь.... ты это понимаешь? Ты... ты ведь умрешь здесь, Максим. Или ваши, или наши... убьют.

Прошептала я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Боже, неужели я все еще его жалею? Неужели я в самом деле так дико боюсь, что он погибнет...

– Ты, кажется, пришла сюда умолять дать еды твоим детям? Так давай начинай... без прелюдий, слюней и соплей. Удиви меня. Сделай что-то, чего я еще не видел от тебя. Побейся головой о стены, разорви на себе одежду, расцарапай грудь, – он смотрел на меня диким остекленевшим взглядом и жутко улыбался, – а вдруг она проснется... моя жалость, и я отправлю тебя нахрен с парочкой сэндвичей. Рискни.

И мне стало по-настоящему жутко... я действительно больше не видела перед собой Максима. Передо мной стоял Аслан Шамхадов... и мне вдруг показалось, что на самом деле так было всегда.

– Ты! Ничего в тебе нет человеческого? Ты все это занюхал кокаином или чем ты заглушаешь угрызения совести? – меня начало трясти, словно от холода, зубы стучат, и в висках холод стынет. – Мы жили вместе, спали в одной постели. Я любила тебя любим, принимала любим и готова была простить что угодно за то, чтобы наше дыхание оставалось одним на двоих... Ты хочешь сказать, что все это ложь? Почему ты рвешь меня на части, Ма...? – и осеклась, не назвав по имени.

– Дыхание? Углекислый газ, ты хотела сказать?! Все, что ты делала, было по доброй воле, и чтоб вырваться из той нищеты, которая светила детдомовке без гроша за душой. Тебе маячило лишь две дороги – или на панель, или за решетку за воровство. Но ты оказалась умной девочкой и решила, что лучше трахаться и сосать у одного, и занять миллионы. Думала, схватила черта за бороду, и твои сладкие дырки медом намазаны? Поверь, они самые обыкновенные, как и у тысячи других баб! Или ты считала, что привяжешь меня к своей юбке дочерью? Решила, что я теперь весь целиком и полностью твой? Ничто не сможет удержать меня, Дарина. Ничто и никто! Ни ты, ни твой ребёнок, ни братец так называемый. НИКТО! Мне насрать. Если ты в это не веришь, то у тебя большая проблема, так как и на это мне тоже насрать.

– Пусть так. Пусть насрать на меня. На дочь? ТВОЮ дочь! Тоже насрать?

В горле начало драть от приближающегося истерического вопля.

– Тоже насрать! – равнодушно сказал он, и я бросилась на него, не выдержала. Замахнулась, чтобы вцепиться пощёчину, чтобы разодрать ему лицо, но Максим схватил меня за запястье, сдавил до хруста с такой силой, что я от боли застонала, а он заставил меня скрючившись опуститься на колени. По моим щекам потекли слезы, я смотрела на него снизу вверх, а он на меня не смотрел, сжал челюсти и вглядывался в никуда остекленевшим взглядом, а потом прошипел, сдавив мою руку еще сильнее:

– Нет больше того человека, ясно? Даже больше – его никогда не было. Ты его придумала в своей маленькой и пустой голове с розовым конфетти вместо мозгов. Шевели извилинами, начни видеть правду без розовых очков. Ты пришла сюда с определенной целью, а я озвучу тебе способ ее достижения, либо забудь о своей цели. Есть Зверь. Он был, и он будет. Из человеческого в нем только тело и голос. И интересуют его на данный момент совершенно банальные потребности. И ты либо удовлетворишь их, либо будешь сидеть в подвале, пока твой брат не согласится на мои условия.

Максим разжал пальцы, и я рухнула на пол, растирая запястье, на котором остались бордовые кровоподтеки.

– Ты действительно Зверь... Я, и правда, где-то просмотрела и ошиблась. Я не хочу с тобой больше говорить. Нам не о чем. Сытый голодного не поймет. Но если когда-нибудь наркота и вся дурь выветрится из твоей головы... ты не простишь себе этого... Если. Но я сомневаюсь, что это произойдет. Твой Зверь убил человека, которого я любила... И не только его... Ты – убийца. И в моих глазах ничто этого не изменит. Никогда.

Неожиданно его бледное бородатое лицо озарила улыбка, сверкнули белые зубы, и я с колкой болью в сердце подумала, что его красоту не портит даже эта борода, даже этот синеватый оттенок кожи, как у ожившего мертвеца, и эти синяки под огромными впалыми глазами. Описание звучит ужасно... а наяву он дьявольски красив. Мрачно и обреченно.

Он подошел к кровати и с размаху уселся на нее, откинулся на руках назад.

– Ну так как насчет моих потребностей? удовлетворишь их, и я подobreю. Иди ко мне. Можешь подползти – меня это заводит.

Похлопал по колену, подзывая к себе, как собаку. И я ощутила, как тошнота подступает к горлу. Скольких он перетрахал на этой постели, на этом ковре. В этой проклятой комнате. Скольких притаскивали сюда несчастных, чтобы издеваться и насиловать их...

– Я сказал, ко мне подойди.

Поднялась и на ватных ногах приблизилась к нему, а он смотрит на меня снизу вверх и победоносно улыбается. Глаза сухо, лихорадочно блестят. Ему нравится меня унижать, нравится видеть, как я дрожу от ярости. Я какое-то время смотрела ему в лицо, а потом хрипло прошептала:

– Ты мне противен. От тебя воняет твоими шлюхами, падалью, и я тебя презираю.

– Как же охуи****но слышать от тебя наконец-то правду. «Я люблю тебя» так скучно и так банально, а главное – так тошнотворно-лживо. Предлагаю договориться. Нам ведь больше нечего скрывать друг от друга. Каждый знает, чего он хочет.

– И чего ты хочешь? – прошипела я, дрожа всем телом.

– Прямо сейчас? Чтоб ты мне отсосала. – его слова повергли меня в ступор, я застыла, ощущая, как немеет все тело. – Ну так как? Отсосеешь? Нет? Жаль. Придется позвать другую.

Я не выдержала и плюнула ему в лицо, а он подскочил с кровати и замахнулся, вынудив меня зажмуриться и приготовиться ощутить удар... но его не последовало. Вместо этого щелкнул замок на двери:

– Уведи ее, пусть вымоется, переоденется, поест. К ночи приведешь обратно. Пусть Гульнара ею займется. Никаких охранников и грязных камер. Понял?

– Понял.

– Если хоть кто-то тронет пальцем – вырву кадык!

Сказал очень тихо, но я все же услышала. Как будто тонкий, как паутина, луч света, пробившийся сквозь тьму. Я задыхалась от отчаянья и безысходности. Он меня не слышит. Этот Зверь. И в нем не осталось и следа от Максима, которого я знала. Животное. Жуткий хищник. А я тупая добыча, которая сама пришла к нему в руки. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони, а внутри все высыхало, превращалось в пустыню, вымирало. Наши дети там одни, голодные, брошенные, а их отец пирует, вдоволь наглотавшись наркоты, пьет, жрет, удовлетворяет свои низменные желания.

Меня привели в комнату, завешанную коврами, с низкими мягкими топчанами. Женщина в хиджабе поприветствовала меня кивком головы и повела в соседнее помещение, где оказался душ и ванная. Она дала мне полотенце и на ломаном русском велела мне вымыться.

Отвращение поднималось с низа живота и захлестывало волной безумного отчаяния. Так же когда-то меня готовили к встрече с Бакитом, и я ждала... боже, я ведь так ждала, что мой Зверь спасет меня. А сейчас... он ничем не отличается от подонка и садиста, брата Ахмеда, да и от Ахмеда тоже не отличался. Лучше бы я осталась рядом с детьми. Мы бы пережили это вместе или вместе умерли от голода или от рук террористов. А я бросила их... снова пошла к нему. Поверила, что он может помочь вопреки всему, что это его очередная игра и он защитит нас! Я все еще жила иллюзиями и пряталась за жалкой оболочкой той великой любви, которая сгорела в его ненависти и жажде мести всем. Как мерзко он говорил слово «братец», как пренебрежительно говорил о нашей дочери. Неужели это все правда, и передо мной настоя-

щий Максим Воронов... или как его звали всегда по-настоящему... а мы все видели кого-то другого?

Женщина расчесала мне волосы, надела на меня платье, но я не смотрела ни на наряд, ни на нее. Я отключила разум. Я больше не могла думать. Я стала сплошным синяком, сгустком дикой боли, которая нарастала и грозила меня задушить. И снова лестница, коридоры, двери, лязг замков. А от меня осталась лишь жалкая оболочка, с трудом воспринимающая происходящее. Я ломалась и не выдерживала нервного напряжения. Захлопнулась дверь, и я открыла глаза. Снова то же помещение, полумрак и тихая музыка. Постель расстелена.

Мой муж развалился на белых простынях в камуфляжной одежде. Даже не взглянул на меня, он был занят выстраиванием белых полосок кокаина на тумбе. Наклонился вперед и, вставив свернутую в трубочку купюру в ноздрю, шумно потянул полоску. Закатил глаза, запрокидывая голову и наслаждаясь полученным кайфом, а я чуть не застонала вслух, закусила губу до крови.

– Рано или поздно ты убьешь себя сам.

Рассмеялся, подняв на меня тяжелый, подернутый дымкой, взгляд, втер остатки порошка в десну и облизал палец.

– Мертвецов убить уже невозможно... А вообще, разве ты не жаждешь моей смерти?

А я смотрела на него и понимала, что в эту секунду я жажду своей... жажду и жалею, что очнулась от проклятой комы. Как же хочется отобрать у него нож, торчащий из-за голенища ботинка, и всадить себе в грудь, прекратить эту пытку.

Но я не имею право даже на это. Там дети. Я должна их спасти.

– Что стоишь на пороге, как чужая? Иди сюда. Мы заключим с тобой интересную сделку, ты делаешь мне хорошо, а я звоню своим ребятам, и детей накормят. Ну как? Тебе нравится?

Закрывает глаза, пытается унять волну боли. Это вытерпеть невозможно. Где-то должен быть предел.

– Избей меня и брось в подвал. Если тебе это доставит удовольствие. Или избегай и оставь харкать кровью у твоих ног... я буду молчать или кричать, как захочешь. Избей меня молча и прикажи накормить моих детей.

Он встал с постели и подошел ко мне, медленно сделал круг и остановился напротив. Я вся внутренне сжалась, обхватила плечи руками.

– Избить? Ты предпочитаешь боль сексу со мной? С каких пор? Можно подумать, это будет впервые. Я трахал тебя в самых разных позах и самыми разными способами. Мы можем вспомнить, как охрененно нам было когда-то вдвоем в постели, а чаще вне ее. Невелика цена за жизнь. Всего лишь раздвинуть ноги перед собственным бывшим мужем.

Он тронул мои волосы, а я стиснула челюсти и сжала руки в кулаки, вспарывая кожу на ладонях. Впервые внутри меня ничего не отозвалось на его прикосновения. Глухо и пусто. Только ненависть к себе и к нему. Пальцы перебирали мои локоны, потом он провел по моей скуле, по нижней губе.

– Ты удивительно красива, Дарина. Самая красивая из всех женщин, побывавших в моей постели... Даже сейчас, униженная, дрожащая, худая и бледная... но такая красивая.

– Как ты еще не сдох от СПИДа или сифилиса со всеми шлюхами, побывавшими в твоей постели.

– Я разборчив, милая. И есть такое прекрасное изобретение человечества – презерватив. Но селекция все же превыше всего. Именно поэтому моей женой была ты... – трогает мою скулу, а меня трясет всю, и слезы из-под закрытых век катятся. Как же это грязно. Он грязный, руки его по локоть в крови. Если отдамся ему здесь, никогда от всего этого не отмоюсь.

– Слезы... такие чистые и хрустальные. О чем плачешь, милая?

Как же омерзительно звучит эта «милая», и как же отчаянно где-то там внутри что-то жаждет услышать «малыш»... и понимает, что это нежное слово из прошлого нельзя марать всей этой грязью. Милая естественней, застасканней и грязнее.

– Ты ж не с целкой пришла сюда проститься.

Резко повернул к себе и взял за подбородок.

– Когда я тебя лишал девственности, ты не плакала. Раздевайся, Дарина.

Глава 5

Боль чуть утихает, потом возвращается с новой силой. В конце концов она становится постоянной и невыносимой. Этот период – ад. Когда просыпаешься утром и плачешь оттого, что снова проснулась и опять надо терпеть. Потом охватывает гнев и отчаяние, злость на весь белый свет, на себя, на него. И дикое желание излечиться, надежда на то, что все равно пройдет, надо только перетерпеть. Не проходит. И тогда возникает смирение. К боли привыкаешь и понимаешь, что теперь так будет всегда. И надо учиться как-то с этим жить.

(с) Просторы интернета

Я дышала все тяжелее и тяжелее, сердце билось так сильно, что грудь сдавило железным обручем, мне хотелось сделать ему больно хоть как-то. Мне хотелось разломать это жуткое равнодушие. Пусть после этого он разломает меня саму на части. Если бы я могла сейчас вонзить в него нож и ударить да так, чтоб жил, но кровью истекал, как я. Чтоб корчился от страданий. Но я смогла только крикнуть, сжимая кулаки:

– Да пошел ты! Пусть шлюхи твои раздеваются! Для тебя не то что раздеваться... на тебя смотреть тошно до рвоты! Лучше бы я для твоих ублюдков разделась и легла под них, чем под тебя!

Злой оскал, почти звериный, и челюсть вперед выдвинулась. Брови нависли над налившимися кровью глазами.

– А что, предлагали раздеться? Чего отказалась, уже б на свободе была!

– Предлагали! Много чего предлагали! Но я считала себя все еще женой... верность мужу своему хранила. Верность, которая на хрен ему не нужна. Он ведь уже и не он! Зря не разделась и не отдалась своему псу Закиру на травке. Он хотел, аж слюни текли. Уверена, чечен остался бы доволен, и я могла бы сбежать, а может, он и сам отпустил бы меня за усердие. Когда он задницу мою трогал, губами причмокивал, и грудь мяли его дружки... Мой муж многому меня научил и даже говорил, что я горячая в постели. Как думаешь, им бы понравилось меня трахать?

Замахнулся так, что я не просто глаза закрыла, а перед ними потемнело от ожидания удара, и я его услышала такой силы, что уши заложило. Один, второй, третий. Быстро моргая, приоткрыла веки – Зверь со всей дури по стене бьет, и я слышу, как его кости хрустят. И этот хруст эхом в моем сердце отзывается толчками крови на разрыв. Не выдержала, перехватила его запястье.

– ХВАТИТ!

А он окровавленными пальцами меня за лицо схватил, пачкая кровью, размазывая ее по моим щекам.

– Что хватит? – срывающимся хриплым голосом. – Чувствуешь, как кровью воняет и смертью? – глаза застывшие, мертвые. – А я чувствую! – впился этим мертвым взглядом в меня. – МНЕ понравится тебя трахать.

Схватил за волосы и поволок к постели, швырнул на нее изо всех сил, так, что к стене отлетела, потом за ноги к себе дернул и навалился всем телом. Услышала скрип расстегиваемой ширинки и закрыла глаза, чувствуя, как трясет всю, как слезы наворачиваются на глаза. Макс впился в мои губы своими сухими и горячими губами. А меня передернуло от гадливости... перед глазами эти же губы, целующие другую. Изо всех сил укусила так, что рот наполнился его кровью, но Макса это не остановило, все равно целует, кусает, надавливая жестоким ртом на мой, заставляя раскрыть его шире, вбивает язык глубже, заставляя задыхаться. Вцепилась ногтями в его щеку, пытаясь оттолкнуть, но он перехватил мои руки и заломил над моей головой, а мне на секунду удалось избавиться от натиска его рта.

– Не трогаай, – зашипела ему в лицо, – не смей ко мне прикасаться! Не смей своими грязными руками убийцы трогать меня! От тебя воняет смертью!

– Ничего, потерпишь! Грязными руками? О, да. Очень грязными. Ничего. Испачкаешься немного. Зато потом поорешь для меня, как всегда, когда войду в тебя по самые яйца!

Грубо, мерзко, нарочито пошло и отвратительно, без капли любви и эмоций. А мне вдруг стало так невыносимо горько, что я не смогла терпеть... расклеилась и обмякла ненадолго.

– Не делай этого снова!

Всхлипнула, отрицательно качая головой, пытаюсь увернуться от его рта.

– Не усложняй. Я всего лишь тебя отымею... Раздвинь ноги, Дарина. – дышит мне в лицо, а меня передергивает от отвращения, от картинок его, совокупляющегося с той девушкой... которую он потом... О, Божеее! Нет! Я этого не выдержу! И нет, это не страх. Это был предел, тот предел невозврата, за которым умрет наша любовь навсегда. Во мне... А в нем она уже умерла. Ощутила его жадные ладони на своей груди, сопит, дышит, как голодное животное, и я не слышу почти своих тихих всхлипываний, своих криков. Он слишком силен, а я слишком ослабла, чтобы дать ему отпор. Только трепыхаться под ним и дергаться, пытаюсь не дать задрать платье, увернуться от губ, пятнающих кожу мокрыми поцелуями. Чем сильнее сопротивляюсь, тем настойчивей его губы, тем сильнее кусает кожу и рычит, удерживая мои руки одной рукой, а другой шаря по моему телу. Задрал подол вверх, раздвинул ноги коленями, проводя пальцами по промежности.

Посмотрела в его бледное, искаженное примитивной похотью и яростью лицо и задохнулась от жалости к нам обоим. Вот она бездна. Мы на дне.

Неужели он делает это снова... топчет и рвет меня на части. Этот кошмар возвращается. И никто больше этого не сможет забыть и простить. Я зарыдала от бессилия и ощущения, что меня сейчас захлестнет агонией, если возьмет, если войдет насильно. Но его ничто не останавливает. Он сумасшедший, обезумевший и потерявший человеческий облик Зверь. Он схватил добычу окровавленными зубами и не сможет их разжать.

– Посмотри на себя! Животное! Во что ты превратился? Ты больше не человек, ты...

– Ктоооо? – взревел и склонился ко мне так близко, что кончики его взмокших волос щекочут мне лоб.

– Никто... ты просто жуткое никто! Для меня! Ты лучше бей. Давай. Так, чтоб мясо висело ошметками. Когда-то у тебя прекрасно получилось! Клятвы ни черта не стоят, особенно если их говорил кто-то, кого на самом деле никогда не существовало! Не забудь только сдавить пальцы уже до конца!

Прохрипела я, глядя ему в глаза, сквозь туман, чувствуя полную опустошенность,

– Только убей, пожалуйста... убей меня в этот раз! Я с этой ненавистью жить не смогу все равно...

Максим остановился. Замер. Дрожа всем телом, всматриваясь мне в глаза, как будто наконец-то услышал меня. Капли пота упали мне на щеку и смешались с моими слезами. Я ощущаю эту грань... как в нем клокочет адская похоть и что-то еще.

– Будешь жить. Никуда не денешься! – выдохнул и отпрянул назад.

Пальцы, сжимающие мои бедра, медленно разжались. В этот момент в его комнату громко постучали.

– Бл**дь!

Соскочил с постели и пошел к двери, а я забилась в угол кровати, стуча зубами и содрогаясь от ощущения, что только что стояла одной ногой в разрытой могиле. Захлебывалась слезами, не веря, что этого не произошло. Не веря, что отсрочка все еще позволяет умирающей любви хрипло дышать, хватая синим помертвевшим ртом углекислый газ нашей ненависти к друг другу.

– Я сказал, не беспокоить меня!

– Шамиль вернулся. Видеть тебя желает. И... там одного русского поймали. Крутился вокруг лагеря.

Максим втащил чечена внутрь помещения.

– Слушай меня внимательно, Джабар... Эта женщина – моя, – кивнул на меня, – головой за нее отвечать будешь. За ее безопасность. Никого не подпускать, понял?

Подошел ко мне, стянул с кровати, поправляя платье, застегивая пуговицы на груди. А я не просто дрожу, меня подбрасывает, колотит так, что кажется, я подпрыгиваю на месте. Моя любовь умирала в таких страшных муках, что казалось, я от боли не сдержусь и начну орать беспрерывно, сгибаясь пополам и катаясь по полу. Максим поднял мое лицо за подбородок и вдруг вытер большими пальцами слезы со щек.

Я... вздрогнула так, как если бы он меня сейчас ударил, и широко распахнула глаза, всматриваясь в его черные бездны и выискивая за этой мглой клочки моей невыносимой синевы. Но ее не было... только веки чуть опустились и брови сошлись на переносице, как от сильного страдания... как будто ему так же больно, как и мне. Но ровно на секунду. На считанное проклятое и такое быстрое мгновение... но его хватило, чтоб мое сердце снова начало биться. Медленно... как будто я только что сделала свой первый глоток воздуха. Вынырнув со дна пропасти.

– Шамиль – мой брат. Поняла? Слушаться его будешь, как и меня. Уважение высказывать и почтение. Рот закрытым держи, пока я не разрешу говорить! Ясно?

Я нахмурилась, ничего не понимая.

– Ясно, я спросил? – и сдвинул мне запястье. – Ослушаешься – высеку!

Повернулся к Джабару.

– Скажи Шамилю, что я тут с женой своей разбираюсь, сейчас выйду его встретить.

Джабар быстро закивал и на меня в изумлении посмотрел.

– А ты здесь останешься. Когда велю – тогда выйдешь. Пусть ей принесут нормальную одежду.

Шли часы, или минуты, или секунды. Я потеряла счет времени. Просто смотрела в одну точку и раскачивалась из стороны в сторону, как маятник. Меня не покидало ощущение, что это начало конца. Слишком много смерти и боли. Настолько много, что, наверное, я никогда не смогу этого забыть.

Остатки гордости и самоуважения остались где-то на дне всей той грязи, что я видела, и сожаление. Да, он так и не стал моим... я не смогла удержать его, как и те, кто были до меня, как и те, кто будут после. Мечты... какие же идиотские они были. Мечты о нас. О долгой жизни рядом с ним. Приручить Зверя. Вот чего я хотела. А на самом деле он всего лишь какое-то время позволял кормить его с руки, а потом просто развернулся и ушел на свободу, при этом став таким же чужим и опасным, как и любой хищник.

Как горько это осознавать. Горько понимать, что даже дети не имеют для него значения. Ни одного приоритета, ни одной ценности, которая могла бы это остановить.

Снаружи что-то праздновали, кричали, пели песни. Началась очередная вакханалия. А мне уже все равно. Все мои мысли были о детях, о братьях... особенно об Изгое. Получил ли он мое сообщение? Найдет ли детей? Сможет ли освободить их?

Я старалась не думать о Максиме. Отключиться, но не получалось. Каждая мысль о нем причиняла мне дикую боль, невыносимую. И во мне не осталось ревности, не осталось чувства, что он меня унизил и предал. Нет. Если б я чувствовала всего лишь это, мне бы не было так страшно... еще не все было бы потеряно. Гораздо хуже – я ощущала жуткую пустоту внутри. Как будто во мне вырезали дыру. Глухое, черное отчаяние, сводящее с ума, окутало меня и окунало в панику каждый раз, когда я думала о завтрашнем дне и понимала, что у нас его нет.

Мне даже не было больше больно от того, что я видела его с другими женщинами, от того, что он спал с ними, имел их у меня на глазах. Это было странное отупение от понимания, что их количество сводит их значимость в его жизни на «нет». Такое нельзя назвать изменой. Это хуже измены. Это такая грязь, такое болото, при котором я понимала, что пусть я и нахожусь в стороне, но меня всю окатило помоями. Здесь больше нет уважения ко мне, как к его жене, как к матери его детей.

И я уже не ревновала его к тем безликим обнаженным телам, над которыми они глумились всем своим вертепом. Такая ревность ниже моего достоинства. Мне было их искренне жаль. Особенно тех, кто больше никогда не откроет глаза после моего мужа... а еще я им завидовала. Их он не мучил так долго, как меня. Он не топтал и не выдирали с мясом их души и сердца. А меня рвал на части, ломал, крошил, сжигал, топтался по мне ногами и топил в своей грязи.

И сводило с ума понимание – с этого дна ему уже никогда не подняться и от этой грязи не отмыться. Не в моих глазах. В его собственных. Придет момент, когда он прозреет. Я не верила, что там, под толстой коркой гнилого панциря не прячется его израненная, вымотанная и сломанная душа. Он спрятал ее, закопал и засыпал землей. Но рано или поздно она выберется наружу и.... он не сможет с этим жить дальше. Что бы не натворил этот проклятый безумец, он всегда останется моим Максимом. Моим мужем. Моим первым и единственным мужчиной. Отцом моей дочки и нерожденного младенца, которого мы потеряли. Никогда и никого я не буду любить так, как люблю его. После такой любви остается только выжженная зола. На ней уже никогда и ничего не вырастет. После той страсти, того урагана, который мог подарить Максим Воронов, становишься рабыней, зависимой от дьявольских эмоций и от той сладкой боли, которую может дать только он.

И нет таких сил, такого лекарства, способного излечить от этой болезни. И пусть я сумасшедшая, пусть я ненормальная, тряпка, у которой нет достоинства и гордости, но все это принадлежало мне, я все это выбрала сама, я была со всем согласна, лишь бы он какое-то время назывался моим. И я пошла за ним в это пекло.

Падаю, спотыкаюсь, раздираю в кровь колени и ладони и снова иду, ползу в его мрак. И в этом только моя вина.

Я должна до него достучаться. Должна сделать так, чтоб он отправил детей обратно домой. Пусть оставит меня себе и мучит до самой смерти. Я согласна.

Жутко лишь одно – он ведь уже не вернется из этой бездны обратно... А я? Смогу ли я вернуться одна без него? Что я буду делать, если он меня отпустит?

Снаружи снова слышались хохот, музыка и выстрелы. Я медленно выдохнула и облокотилась о стену, обхватив себя руками, глядя вверх.

Тусклые лампочки в центре потолка, без плафонов, с мелкими мошками, крутящимися вокруг и замертво падающими на светлое пятно вниз, на старый ковер. Я прислушалась к звукам, встала с кровати и прокралась к двери. Там царил хаос. Я различала стоны, крики и снова хохот.

Там снова царит тот ад, который я застала, когда меня сюда привезли. Неужели они опять насилюют и убивают несчастных девушек или измываются над пленными. Я прижалась к двери, закусив губу до крови, содрогаясь от ужаса. Я изо всех сил старалась не сойти с ума. Думать о детях.

Меня приказали стеречь, меня не убьют. Хотя кто знает. Мой муж меняет свои решения со скоростью звука. Я уже не могла быть ни в чем уверена. Любящий нежный отец смог превратиться в жестокого тирана, который обрек своих детей на голод и ужас плена, разве он может пожалеть меня? Сомневаюсь. Я уже не имею над ним никакой власти. Я ему теперь никто. Он от меня отказался. Максим Воронов собственноручно подписал бумаги о нашем разводе. Да он и не Воронов больше.

В этот момент слышались шаги, кто-то приблизился к двери. Я вжалась в стену, мечтая с ней слиться, притаилась за дверью в ожидании.

Повернулся ключ в замке, и я увидела Джабара. Он бросил мне какую-то черную ткань.

– Надень это на себя, закрой волосы и иди за мной, женщина.

– Куда? – спросила я и прижала к себе ткань.

– Твой муж приказал привести тебя. Не задавай лишних вопросов. Здесь не принято, чтоб женщины болтали.

Ткань, которую он мне дал, оказалось платком или чем-то, напоминающим платок. Наверное, хочет, чтоб я намотала на себя. Я покрутила платок в руках и снова посмотрела на Джабара.

– Я не умею это надевать.

Он выругался на своем языке. То, что это было ругательство, я даже не сомневалась.

– Идем, возьми это с собой, тебе помогут.

Надежда, что он оставит меня в покое и снова закроет в комнате Максима, лопнула как мыльный пузырь.

Он вывел меня другой дорогой, через какую-то узкую дверь в большое помещение, полное женщин. У нескольких из них на руках были маленькие дети. Они смолкли и смотрели на меня. Нет. Не враждебно. Скорее, равнодушно. Как будто привыкли. И... мне стало страшно. В их глазах было пусто. Там не было страха, любви, ненависти, а полная пустота.

– Эй, Дагмара, повяжи на голову жены Аслана платок.

Одна из женщин, полноватая и высокая, встала со скамейки, отложила шитье в сторону, когда я посмотрела, что именно она зашивает, то судорожно сглотнула – это была черная маска с прорезями для глаз.

– Жена? – переспросила и уже с любопытством посмотрела на меня. – Мало ему здесь жен.

– Молчи, женщина, твое дело за порядком присматривать, а не рот раскрывать.

Стало тяжело дышать. Она сказала про жен, а мне словно дали еще раз под ребра да так, что дыхание выбило. Осмотрелась по сторонам, разглядывая похожие лица под черными платками. Кто из них? Какую он своей называет?

– Джанан. Давай, повяжи платок. Пошустрее.

Ко мне подошла молоденькая девушка с огромными серыми глазами. Вроде похожа на русскую и кожа светлая, одета во все черное, закрыта с ног до головы. Показалось, что видела ее где-то... но где? Она молча у меня рывком платок выхватила. Дернула так, что ткань затрепала. Отрывистыми движениями мне на голову надела. На шее намотала, заколола сбоку булавкой.

– Сегодня тебя к себе не возьмет – ее трахать будет.

Тихо сказала Дагмара, а я резко повернулась к девушке, и наши взгляды встретились. А перед глазами другая картина, где он девушку в губы целует, усадив к себе на колени. ЕЕ.

И в этих глазах я увидела не просто ненависть, а отчаянье и боль. Боже! Сколько ей? Восемнадцать хоть есть? Он с ума сошел?

И сердце такая тоска сдавила, что стало нечем дышать, комок в горле застрял жесткий, как камень. Когда я его полюбила, мне было шестнадцать... и на всех его баб я смотрела с таким же отчаянием и болью. А он... как он смотрит на нее? Как смотрел когда-то на меня?

– Идем. Налюбуешься на них еще, – прорычал Джабар и кивнул головой на выход. Мы вышли на улицу, и в нос ударил запах костра и жареного мяса.

– Сууууууукаааа, – крик по-русски и стон боли после глухого удара. Я обернулась, и с губ сорвался стон, а внутри все похолодело, и по телу разлилась волна отчаянного ужаса.

На железном турнике висел Изгой, весь залитый кровью, избитый и израненный. Раздетый до пояса. Два боевика били его в живот, а он плевал в них кровью и матерился. На все это спокойно смотрел Макс и потягивал кальян рядом с другим бородатым чеченом.

Глава 6

Иногда наступает совершенно неправильное, но вполне понятное желание: с разбегу, со всей дури впечататься своей несчастной дурной головой в каменную стену... Чтобы этой страшной, но короткой болью заглушить, забить, заменить боль душевную, не убивающую, но сводящую с ума своей вечностью и неизлечимостью – его. Чтобы из треснувшего черепа разлетелись красно-чёрные брызги, растеклись ужасной лужей мысли – и я наконец-то перестала бы думать о нём... Но так он покинет только мою голову, а в сердце-то всё равно останется! Пусть, ну пожалуйста, пусть оно разорвётся!!! Чтобы совсем от него освободиться! Лучшие уж так – безмозглой, бессердечной, но – безнегоишной...

(с) Просторы интернета

– Жена, говоришь?

Шамиль посмотрел на меня черными глазами, и взгляд этот был страшнее, чем у других чеченов. Цепкий, умный, коварный. Я не знаю, что его связывало с Максимом и каким образом и почему все называли их братьями. Чего я не знаю о своем муже?

– Иди сюда, девочка, – поманил меня пальцем. Я перевела взгляд на Максима, и тот кивком показал мне, чтоб подчинялась. Подошла, чувствуя, как слегка подранивают пальцы. Я слабая, растерянная, и я совершенно не знаю, с кем имею дело.

– Где ты познакомилась с моим братом?

Судорожно сглотнула. Что он хочет от меня услышать? Что мне сочинить?

– Правду расскажи Шамилю. Не стесняйся.

– В дом ко мне влез, как вор, а потом с собой в столицу забрал.

Мне показалось, или Макс немного расслабился и откинулся назад на траву, опираясь на локти.

– Совсем девочкой забрал, а, братишка? Не чтишь законы русских о совершеннолетию. Правильно. Девку надо брать, как только она девкой стала. Иначе потом суками становятся, шалавами продажными. Приехала за тобой, да?

– Приехала. Дура-баба.

Сердце замерло, дышать стало нечем. Про детей если скажет...

– Да. Дура. Здесь оставишь или домой отошлешь?

– Пока здесь. Потом, как поспокойней на дорогах станет, домой отправлю.

– Дорожишь, значит? Я думал, она как все твои жены... – осмотрел меня с ног до головы и потянул кальян, – может, одолжишь на пару ночей.

Повернулся к Максиму, и они посмотрели друг другу в глаза. И... Шамиль рассмеялся, ударил моего мужа по-дружески по плечу.

– Расслабься. Шутит Шамиль. Понял уже, что ее трогать нельзя. Зачем Закиру глаза выдрал и руки отрубил? Убил бы, да и все.

– Слишком просто. – Максим взял трубку у Шамиля и тоже затянулся дымом. – Он мое тронул.

Снова застонал Изгой, и я резко обернулась. Его окатили ледяной водой, заставляя прийти в себя. Один из боевиков схватил шампур, раскалил над костром железную витую ручку и поднес к груди Изгоя.

– Жечь буду, как собаку. Кто послал тебя, русская свинья?

– С автобуса сбежал... сказал же... уже...

Чечен прижал железо к груди Славика, и тот глухо застонал. Я дернулась, подскочила, но меня схватил за руку Максим и заломил ее за спину.

– В дом пошла. Ни звука. Иначе он сдохнет. Джабар, жену мою ко мне в комнату отведи.

– А что так, брат? С нами не посидит... или не соскучился по жене?

Макс ухмыльнулся и вдруг громко крикнул:

– Джанан, ко мне иди.

Я обернулась и увидела, как тоненькая девушка во всем черном покорно к мужу моему идет.

– Жена подождет. У меня пока новая жена есть, да, маленькая? – улыбнулся девушке и похлопал себя по колену. – Садись. – та тут же села на ногу моего мужа и спрятала лицо на плече Максима. Боль была резкой в области сердца, как будто нож туда вошел и остался, мешая дышать. Но я и слова не сказала. Только Максу в глаза смотрю. А он – мне, и сучку свою молодую поглаживает по спине, спускаясь к ягодицам, выпуская дым в мою сторону и прищурив глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.